

КАК Я БЫЛ СВИНОПАСОМ

Как и все мои сверстники, в 40-50-х годах числился я в колхозниках и, как все, обязан был трудиться на колхозных полях и на сенокосе, отставляя часто на задний план мое любимое дело - театр в амбаре. Да и семью кормить надо было помогать, а она состояла как-никак из семи человек.

Вот тетка Агафья, работавшая в те годы завфермой, и пригласила нас с племянником Вовкой по пасти лето свиней.

«Галя, отпусти их, - сказала она моей старшей сестре Галине, - пусть поработают, лишняя краюшка в доме нелишняя».

Сказано - сделано. Уже на другое утро мы погнали свиней на кормежку, чтобы они на свежем воздухе травки зелененькой пощипали. Стоял знойный июль, и нам в роли пастухов быть, ну, никак не хотелось. Но куда денешься: есть-пить надо, хоть и зарабатывали люди в колхозах в то время ох как мало - жалкие трудовни. Но вернемся к нашим хрюшкам.

Нашли мы им удобное местечко - переулочек с длинным коридором: слева - огород, справа огород - не убежишь. А в начале и в конце переулочка улеглись мы с Вовкой, чтобы заняться своим любимым делом - чтением. У него в руках «Пятнадцатилетний капитан» Жюль Верна (читал он запоем), а я развалился на траве с томиком стихов о любви модного тогда поэта-лирика Степана Щипачева, то и дело повторяя его крылатые строки: «Любовью дорожить умеете, с годами - дорожить вдвойне». Какие тут свиньи...

Тем более что ходу им - ни туда, ни сюда. В течение дня они выщипали

всю траву в переулочке, даже землю прогрызли чуть не до воды. Веселое их хрюканье в начале трапезы, превратилось к вечеру в тоскливое «хрю-хрю». А нам хоть бы хны, знай, лежим, читаем.

Так повторялось целую неделю - ни еды вдоволь, ни питья. Свинки наши до того отошались, что еле двигались. Одна свинья подохла.

«Пока вы всех свиней не уморили, - сказала нам с племянником встревоженная тетка Агафья, - бросайте это дело, буду искать других».

А между тем весть о том, что я стал свинопасом, разнеслась по всей деревне. Дошла она и до Вальки Матвиенко (сестры покойного Василия Егоровича Матвиенко), с которой я дружил в то время. «Ты что, Юра, правда, свиней пасешь? - спросила она меня с ехидцей. «Пасу, а что?» - парировал я и торжественно процитировал реплику из кинофильма «Свинарка и пастух», которую произнесла на ВДНХ в Москве героиня Марины Ладыниной: «Вам, наверно, товарищи, ясно, что и свиньи бывают прекрасны!» Правда, о том, что своих свиношечек я довел до голодных обмороков, я умолчал.

С крестьянским трудом у меня никак не ладилось, я создан был для другого. Стихи и театр - вот, что было тогда главным в моей жизни, тут я был на высоте. Но колхозные дела требовали новых рабочих рук, а их не хватало, и тетка Агафья, скрепя сердце, вынуждена была «бросить» меня на овец. «Постарайся хоть их кормить, как положено, - сказала она с усмешкой».

Овец мне часто приходилось пасти по ночам. С вечера было тепло: лежишь на спине, прижавшись боком к какой-нибудь при-

Юрий Варугин: «Это было недавно, это было давно...»

О чем только ни вспомнишь, думая о прошлом. В памяти всплывают самые яркие страницы жизни, которые некогда грели мою душу, волновали ум и заставляли сильнее биться мое сердце. Так и хочется воскликнуть * вслед за Иваном Сергеевичем Тургеневым: «Ах, юные годы, чудесные дни, как вешние воды промчались оным. А было в прошлом всякое. Ну, разве можно, например, не вспомнить, как я в детстве пас свиней и овец, как во время сенокоса «гуська гоняли (что это такое, поймете после). Доводилось мне в подростковом возрасте и баржи разгружать, чтобы к школе на штаны новые заработать: все-таки взрослым парнем становился и очень хотелось, как можно помоднее выглядеть перед девчонками. Но повествование свое я, пожалуй, начну со свиней. Хотя не люблю свинства с детства».

легшей отдохнуть овце, смотришь, как загораются звезды и сочиняешь стихи, чтобы прочитать их потом хорошенькой Вальке. Вот эти строчки я помню и сегодня. Сколько в них было патриотизма...

*«Мы мечтаем
с тобой о жизни,
О судьбе моей и твоей,
О дороге прямой
к коммунизму,
О богатстве
колхозных полей...»*

И ведь мы тогда искренне верили в это. Валька, помню, проследилась даже, и в первый раз позволила себя поцеловать. Любовь нашей молодости была чистой и непорочной. Ах!

КАК Я РАБОТАЛ «ГУСЬКОМ»

Не помню уж точно, в деталях, как я пас овец, запомнилось только, что мне было очень холодно - я этих самых овец, как я уже сказал, пас ночью.

Днем мучила жара, вечером она спадала, и было бы совсем здорово и комфортно, если бы не доставали комары. Только к середине ночи, когда земля отдавала последнее накопленное днем тепло, наступала благодатная прохлада и куда-то пропадали комары. Однако благодать быстро проходила: прохлада быстро превращалась в самый настоящий холод. И чем жарче был день, тем холоднее была ночь. Под тоненьким зипуном у меня зуб на зуб не попадал. Зато овцам была благодать: они щипали травку, а чаще также, как и я, укладывались всей отарой спать, и тогда ничего, кроме холода, не мешало мне смотреть на звезды, мечтать и сочинять стихи. Или просто спать вместе с овцами...

По утрам я гнал своих подопечных на ферму, где сдавал с рук на руки своей сменщице: днем за отарой приглядывала одна пожилая немка, фамилия ее в памяти у меня не задержалась.

В одну из ночей разразилась такой ливень (сверкала молния, гремел гром), что я чуть не захлебнулся обильным потоком, хлынувшим на меня с неба. Овцы жалобно

блеяли, а я спасся от водной стихии в сусеке для отрубей на ферме, которая была недалеко. Еще с вечера было ясно, что ночью что-то произойдет в природе. Тревожно блеяли, сбиваясь потеснее в кучу, овцы, атмосфера была так пронизана электричеством, что волосы на голове шевелились сами собой. С запада на село заходила тяжелая, свинцово-черная туча, из которой то и дело сыпались стрелы молний, вначале беззвучно, без грома, но по мере того, как туча закрывала небо, гроза становилась все слышнее и слышнее. А потом хляби небесные разверзлись...

Что стало с овцами, как они пережили грозу, не помню. Мне тогда было не до них, да и моя овечья эпопея продолжалась недолго, примерно с неделю. Хорошо, что не заболел после грозы.

А затем колхозное руководство направило меня в распоряжение моего тезки Юрки Варугина (Юрия Дмитриевича, сегодня он живет в Мокрушинском), «гуська гонять». Молодые люди не знают, что это такое, а в мое время про «гуська» знал каждый. Представьте на мгновение, что по сенокосному полю движется конная косилка, на ней сидит мой тезка и управляет вожжами парой запряженных в косилку лошадей. Одновременно Юрка ловко управлялся с разными рукоятками механизма: где надо было -

поднимал ножи режущего аппарата косилки, где надо - опускал их пониже, так, чтобы трава срезалась пониже и ровнее. Итак, лошади тянут косилку, Юрка управляется с механизмами, а я сижу на лошади впереди и рулю запряжкой, чтобы шли кони ровно, по прямой, не шарахались из стороны в сторону, чтобы валок травы после косилки был ровным и красивым, чтобы не было огрехов - островков нескошенной травы. Одним словом, чтобы лошади в косилке шли гуськом. Хорошо, когда лошади смиренные, приученные работать с косилкой, тогда у «гуська» хлопот мало. Но если попадет в запряжке одна норовистая или пугливая, которая от каждого кустика шарахается, - тогда у «гуська» ни секунды свободной нет, только и знай, что поводя уздечки дергай.

Эти сенокосные июльские дни запомнились мне жарой, паутами, сеткой от комаров, натянутой на потное лицо, запахом свежей травы и дегтя, с помощью которого лошадей (а часто и людей) спасали от гнуса, а еще постоянной жаждой. Да, нелегко труд крестьянский, соленым потом добывает человек свой хлеб насущный. Но через десятки лет тот сенокос вспоминается мне с любовью (скажи мне кто так в то время, в лицо бы плюнул).

Помнится до сих пор и шалаш, в котором мы

ночевали с моим старшим братом Юркой, и мой неразговорчивый родной дядя Семен. Говорят, что я похож на него лицом. Возможно, это и так. Он только, знай, улыбался мне, а разговоров никаких.

Молчаливый был (тут уж я не в него пошел). А на сенокосе он ухаживал за лошадьми, и они прекрасно понимали дядю Семена без слов.

Помню, как-то ночью я здорово всполошился, когда из разных концов леса до меня стали доноситься жуткие стоны, напоминающие плач и стоны женщин на похоронах. Темно, страшно - я весь сжался в комок, взмок и прижался всем телом к дяде Семену. «Не бойся, племянник, - проговорил он, - это совы стонут. Не бойся». Так я впервые приобщился к тайнам ночного леса.

А с дядей Семеном я больше не разговаривал, не пришлось. Он прожил около девяноста лет. Царствие ему небесное.

* * *

Стремительно летит время. Давно уже нет колхоза, на лугах, где когда-то в июле пахло свежескошенной травой и стрекотали косилки, растут соновые боры (в лучшем случае - грохочет трактор и пахнет соляркой - это если покос использует для заготовки сена на зиму личным буренкам кто-нибудь из рождественцев, кто еще не расстался с ЛПХ - личным подсобным хозяйством).

Нету же на этом свете многих и многих из тех моих земляков, кто учил меня когда-то жизни и работе, с кем прошли мое детство и юность, с кем делил я радость и горе. Их нет, а память о них жива. Святая память. Она помогает нам продолжать жить.

ЮРИЙ ВАРУГИН,
с. Казачинское

